

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ,

из которой вы узнаете о том, как дух Трупа трижды преграждал путь Сюань-цзану и как Сюань-цзан, разгневавшись на прекрасного Царя обезьян, прогнал его от себя

На следующее утро Сюань-цзан и его ученики собрали свои вещи и хотели отправляться в путь, но праведник Чжэнь-юань решительно отказался отпустить их. Побратавшись, праведник с Сунь У-куном очень сдружились. Снова был устроен пир. Так Сюань-цзан с учениками прожил в монастыре еще дней шесть.

А надо вам сказать, что Сюань-цзан, съев плоды жизни, как бы полностью переродился: он почувствовал себя бодрым, жизнерадостным и очень сильным. Все его помыслы были направлены к тому, чтобы побыстрее получить священные книги: ему очень не хотелось задерживаться. Наконец они двинулись в путь.

И опять через некоторое время перед ними выросла высокая гора. — Ученики мои, — сказал тогда Сюань-цзан, — гора эта сурова и неприступна, боюсь, что наш конь не одолеет ее. Нам следует быть очень осторожными.

— Не беспокойтесь, учитель, — сказал Сунь У-кун — Мы все отлично понимаем.

Идя впереди и держа наперевес посох, прекрасный Царь обезьян прокладывал в горах путь. Вскоре они поднялись на вершину. Тут перед ними раскрылись необозримые пространства:

Все громоздились пики

И уходили ввысь

И горные потоки

Стремительно неслись.

Олени и архары

Скакали по горам,

Бродили стаями волки,

Скрывались тигры там,

И кабаны стадами

Средь зарослей паслись,

А сколько было зайцев

И золотистых лис!

И злобные гадюки

Ползли из пышных трав,
Гнилой туман из пасти
Выбрасывал удав,
Все змеи извергали
Тяжелый, душный смрад
Кустарник цепкий стлался
Средь каменных громад.
И выпрямляли сосны
Величественно стан,
Смоковницы теснились
В густых сетях лиан,
И вдаль, до горизонта
Плыл аромат травы;
Касались эти горы
Небесной синевы
Медведицы созвездья
Они достичь могли,
До Северного моря
Их тени пролегли.

Эта картина повергла Сюань-цзана в ужас, но тут Великий Мудрец Сунь У-кун, размахивая своим посохом, издал такой страшный крик, что волки и гады от страха попрятались, а тигры и барсы разбежались в разные стороны. Когда путники, углубившись в юры, достигли самых высоких вершин, Сюань-цзан вдруг обратился к Сунь У-куну:

— Я сильно проголодался. Ты попросил бы где-нибудь немного еды.

— Да вы что, с ума сошли? — улыбнулся Сунь У-кун — Ведь здесь нет ни деревень, ни постоянных дворов, где же это я вам пищу достану? Тут и за деньги ничего не купишь.

Такой ответ очень расстроил Сюань-цзана.

— Эх ты обезьяна — сказал он сердито. — Вспомни то время, когда ты на горе Усиншань был заточен Буддой в каменный ящик. Тогда ты мог лишь говорить, но не имел возможности двигаться. Ведь ты спас свою жизнь только благодаря мне. Затем ты был посвящен в монахи и стал моим учеником. Почему же ты постоянно проявляешь нерадивость?

— Как же это я проявляю нерадивость? — удивился Сунь У-кун. — Ведь я служу вам верой и правдой.

— В таком случае, почему ты не хочешь достать мне еды? Разве могу я идти голодным? Кроме того, этот туман и вредные испарения помешают нам добраться до храма Раскатов грома.

— Ладно, учитель, не сердитесь, — сказал тут Сунь У-кун. — Я знаю, вы человек гордый и самолюбивый и если чем-нибудь вам не угодить, вы, чего доброго, начнете читать свои заклинания. Сойдите с коня и спокойно сидите здесь, а я пойду посмотрю, где тут есть жилое, и может быть что-нибудь достану.

Одним прыжком Сунь У-кун очутился на облаке и, приложив руку к глазам, стал внимательно осматриваться. В западном направлении он так ничего и не обнаружил. Кругом стояла мертвая тишина: ни деревень, ни поселений не было видно. Один только лес темнел. Сунь У-кун долго осматривал местность и вдруг к югу увидел высокую гору. Склон, ее обращенный к солнцу, был усеян какими-то ярко-красными пятнами. Тут Сунь У-кун опустил на своем облаке и сказал:

— Учитель, сейчас я принесу вам поесть!

Когда Трипитака поинтересовался, что ему удалось найти, Сунь У-кун сказал:

— Здесь нет жилья и попросить подаяния не у кого. Зато на горе, что к югу, видны какие-то красные пятна, видимо, персики. Сейчас отправлюсь туда и принесу вам несколько штук.

— Персики — самая лучшая пища для монахов, — обрадованно сказал Сюань-цзан.

Мы не будем подробно рассказывать о том, как Сунь У-кун, захватив чашку для сбора подаяний, сделал прыжок и на чудесном луче молнией понесся по воздуху, так что только ветер свистел в ушах. Через какой-нибудь миг он уже был на южной горе и рвал персики.

Не зря говорят, что «Когда гора высока, на ней водятся оборотни, а если горные хребты обрывисты, там можно встретить духов». Так и на этой горе был свой оборотень. Полет Великого Мудреца за персиками растревожил его. Восседая на облаке, гонимым северным ветром, этот оборотень вдруг увидел Сюань-цзана и пришел в неописуемый восторг.

«Ну, мне отчаянно повезло! — подумал он. — Последнее время только и говорят о Танском монахе, который едет за священными книгами. Этот монах подвергался перевоплощениям. Он

совершенствовался в течение десяти поколений, и тот, кто съест хотя бы кусочек его тела, станет бессмертным». Оборотень приготовился было схватить Сюань-цзана, но, обнаружив, что с обеих сторон его охраняют, не решился приблизиться к нему.

«Кто же это охраняет его», — подумал он, и тут же решил, что это Чжу Ба-цзе и Ша-сэн. Конечно, они не обладают какими-либо необычайными способностями, однако Чжу Ба-цзе был небесным полководцем, а Ша-сэн — распорядителем церемоний. Нет сомнения в том, что они все еще могущественны. Не решаясь приблизиться к Сюань-цзану, оборотень подумал: «Сыграю-ка я над ними штуку. Посмотрим, что они станут делать!»

О, чудесный дух! Он остановил свое облако, спустился в ущелье и, встряхнувшись, превратился в прелестную девушку, с круглым, как луна, лицом. У нее были очень красивые брови и глаза, зубы сверкали белизной, губы алели. Держа в одной руке глиняный сосуд, а в другой — зеленую фарфоровую бутылку, девушка направилась прямо на восток, туда, где сидел Танский монах.

У самого обрыва

Монах сдержал коня, —

Красавица предстала,

Улыбкою маня.

Приоткрывались ручки

Движеньем рукава,

И ножка из-под юбки

Видна была едва;

Казались капли пота

Росою на цветке,

Чернели брови ивой,

Склоненною к реке;

Увидел он, решившись

Внимательней взглянуть,

Что странникам навстречу

Красотка держит путь.

— Чжу Ба-цзе, Ша-сэн, — промолвил Сюань-цзан. — Вы слышали, как Сунь У-кун говорил о том, что здесь нет людей? А ну-ка, взгляните, кто это там идет?

— Учитель, — сказал Чжу Ба-цзе. — Побудьте пока с Ша-сэном, а я мигом разузнаю, в чем там дело.

Положив грабли, Чжу Ба-цзе поправил на себе одежду и с важным видом, степенно, пошел навстречу женщине. Верно говорят: то, что издали кажется туманным, вблизи приобретает отчетливую форму. К ним приближалась настоящая красавица!

Чернели брови

Ивой у воды,

В очах миндалевидных

Свет звезды;

Лицом прекрасна,

Как луна, бела,

Она была

Приятно весела;

Напоминала

Ласточку она,

И щебетала иволгой, —

Нежна, —

Как яблони

Раскрывшийся бутон,

Как шяо-яо,

Что солнцем озарен.

Увидев женщину, Дурень тотчас же вспылал к ней страстью и стал молоть всякую чепуху.

— Красотка, куда путь держите? И что это у вас в руках? — спросил Чжу Ба-цзе.

Ему и в голову не приходило, что перед ним дух-оборотень.

— Почтенный монах, — поспешила ответить женщина. — В этом горшке ароматная каша, а в зеленом кувшине — жареная лапша. Пришла я сюда лишь только потому, что дала обет помогать монахам.

Чжу Ба-цзе остался очень доволен ее ответом и вихрем помчался к Сюань-цзану.

— Учитель, — сказал он. — Поистине «Небо заботится о достойных людях». Проголодавшись, вы послали нашего брата поискать для вас какой-нибудь пищи, но мы даже не знаем, куда эта обезьяна отправилась за персиками. Кроме того, много их не съешь, так как от них может сильно заболеть живот. А тут пришел человек с подаением.

— Ты, негодник, — недоверчиво сказал Сюань-цзан, — вечно лезешь со всякими глупостями! С тех пор как мы покинули монастырь Учжуангуань, мы не встретили ни одного хорошего человека, кто же станет заботиться о монахах и приносить им подаение?

— Вот кто! — воскликнул Чжу Ба-цзе.

Увидев женщину, Сюань-цзан поспешил встать и, сложив на груди руки, промолвил:

— О благодетельница! Где ваш дом, из какого вы рода и что за обет дали?

Сюань-цзан тоже не сумел распознать оборотня. А тот стал всячески изощряться и рассказывать всякие небылицы.

— Учитель, — сказал он, — эти горы называются «Хребет белого тигра». Его избегают и змеи и звери. Вот к западу отсюда и живет моя семья. Мои родители сейчас находятся дома. Они любят читать священные книги и делают добрые дела. Монахи всех окрестных монастырей облагодетельствованы ими. У них долгое время не было детей, но они горячо молились, и небо послало им меня. Я хотела найти себе мужа и уйти жить к нему. Но родители боялись, что на старости лет у них не будет опоры, и решили принять зятя к себе в дом, чтобы спокойно дожить до конца дней своих.

— Дорогая, — сказал, выслушав ее, Сюань-цзан. — Что-то нескладно у вас получается. В священных книгах сказано: «Если у тебя живы отец и мать, не уезжай от них далеко. А если поедешь, то держи себя строго». Ты говоришь, что родители твои живы и нашли тебе мужа, значит, обет, данный тобой, мог выполнить твой муж. Почему же ты одна бродишь по горам? Женщине это не пристало.

Выслушав это, красавица усмехнулась и стала убеждать монаха в правдивости своих слов.

— Учитель, в ущелье на северном склоне горы мой муж с работниками полет сейчас посевы. Вот я и отправилась туда отнести им обед. Ведь сейчас страдная пора и нанять работников очень трудно. А родители у меня старые, мне и приходится самой относить еду. Увидев вас, я поняла, что вы — странствующие монахи и вспомнила, что мои родители всю жизнь делали людям добро, потому я и решила отдать обед вам. Если не брезгуете, то сделайте милость: примите от меня этот скромный дар.

— О небо, небо! — воскликнул Сюань-цзан. — Мой ученик только что отправился за персиками и вот-вот должен вернуться. А если мы съедем обед твоего мужа, то он, узнав об этом, станет ругать тебя, ну и вина, естественно, ляжет на нас, монахов.

Видя, что Танский монах решительно отказывается принять угощение, женщина очень вежливо произнесла:

— Дорогой учитель! Мои родители благодетельствовали многих монахов. Но должна вам сказать, что мой супруг — человек еще более добродетельный. Всю жизнь он строит мосты, прокладывает дороги и всегда помогает старикам и бедным. Если он узнает, что я накормила вас, то станет относиться ко мне еще лучше. Мы не то, что другие.

Между тем Сюань-цзан, решительно отказываясь от предлагаемой ему пищи, окончательно расстроил Чжу Ба-цзе. Ду- рень надулся и сердито ворчал:

— Много монахов на свете, но вряд ли найдешь среди них более бестолкового, чем этот. Мы могли бы поесть сейчас вдвоем, еда, можно сказать, у нас в руках, так нет же, ему непременно нужно дождаться обезьяны, чтобы и ее накормить.

Наконец терпение у Чжу Ба-цзе лопнуло, и он, схватив обеими руками горшок, хотел разом все съесть.

Между тем Сунь У-кун, набрав на вершине южной горы персиков и сложив их в миску, сделал прыжок в воздухе и в тот же миг очутился рядом с учителем. Пристально взглянув на женщину своими огненными глазами, он тотчас же признал в ней духа-оборотня и, поставив на землю миску, схватил свой посох.

— Сунь У-кун! — испуганно воскликнул Сюань-цзан, схватив его за руку. — Кого это ты собираешься бить?

— Учитель, — сказал тогда Сунь У-кун. — Не думайте, что женщина, которую вы видите, — хороший человек. Это — дух, он обманул вас.

— Ах ты обезьяна, — отвечал на это Сюань-цзан. — Ты, конечно, доказал свою прозорливость, но это вовсе не значит, что сейчас должен болтать всякий вздор. Эта женщина явилась сюда с благими намерениями и изъявила желание накормить нас, как же смеешь ты после этого называть ее оборотнем?

— Учитель, ничего вы не знаете, — промолвил Сунь У-кун. — Когда я был духом в пещере Водного занавеса и думал о том, как поест человеческого мяса, я прибегал точно к таким же уловкам: либо превращался в золото и серебро, либо принимал вид столика, а иногда притворялся пьяным или же становился красавицей. И если находился какой-нибудь дурак, который влюблялся в меня, я заманивал его в пещеру и здесь делал с ним все, что было моей душе угодно: или поджаривал, или варил. А если не мог съесть сразу, то вялил про черный

день. Запоздай я сейчас немного, учитель, и вы, безусловно, попали бы к нему в ловушку.

Однако Сюань-цзан никак не мог поверить тому, что говорил Сунь У-кун, и твердил свое.

— Ну, теперь мне все понятно, — сказал Сунь У-кун. — Просто вы не устояли перед такой красавицей и в вас проснулись человеческие страсти. Ну что ж, в таком случае велите Чжу Ба-цзе срубить несколько деревьев. Ша-сэн же пусть наберет травы, а я буду за плотника и сооружу вам уютное гнездышко. Наслаждайтесь в свое удовольствие. А мы пойдем каждый своей дорогой. Зачем тащиться за какими-то там священными книгами и переживать разные трудности.

Сюань-цзан, будучи по натуре человеком мягким и добрым, не мог снести подобного оскорбления, и весь зарделся.

А Сунь У-кун, между тем, решил показать себя. Он размахнулся и ударил оборотня посохом по голове. Однако оборо- тень тоже умел прибегать к различным волшебным способам.

Как только Сунь У-кун занес над его головой посох, он применил способ «освобождение от телесной оболочки», встряхнулся и, прежде чем Сунь У-кун успел ударить его, выпустил душу из тела, которое так и осталось лежать на земле бездыханным. Перепуганный насмерть Сюань-цзан весь дрожал и читал про себя молитвы.

— Эта обезьяна продолжает безобразничать, — бормотал он. — Никакие увещевания не действуют на нее. Взяла вот и ни за что, ни про что погубила человеческую жизнь.

— Не сердитесь, учитель, — промолвил Сунь У-кун. — Вы лучше посмотрите, что находится в горшке.

И вот, когда Сюань-цзан, поддерживаемый под руку Ша-сэном, приблизился к горшку, то вместо каши из ароматного риса обнаружил там ползающих червей, которые тащили свои хвосты, а вместо лапши увидел зеленых лягушек и жаб, которые ползали вокруг. Тут Сюань-цзан призадумался над словами Сунь У-куна и готов был уже поверить тому, что тот сказал. Однако подстрекательства Чжу Ба-цзе, который никак не мог успокоиться, оказали свое действие.

— Как можно было принять эту женщину за оборотня? — говорил Чжу Ба-цзе. — Ведь она из местных поселян и встретилась нам только потому, что несла мужу в поле обед. Посох нашего брата чересчур тяжел и стоило Сунь У-куну прикоснуться им к женщине, как она тут же отдала богу душу. Сунь У-кун ничуть не боится заклинания о сжатии обруча. Посредством волшебства он затуманил ваши глаза и совершил это превращение. Он делает все это для того, чтобы вы не читали своего заклинания.

Слова Чжу Ба-цзе оказались роковыми. Сюань-цзан поддался на подстрекательства Дурня и, щелкнув пальцами, стал читать заклинание.

— Ой, больно! — закричал Сунь У-кун. — Умоляю вас, остановитесь. Если хотите что-нибудь сказать мне, пожалуйста говорите.

— Какие тут еще могут быть разговоры, — возмутился Сюань-цзан. — Отрекшийся от мира должен совершать только добрые дела, читать молитвы и никогда не забывать о добродетели: «Подметая пол, надо стараться не причинить вреда даже муравью и жалеть мотылька, полетевшего на огонь». Как же ты смеешь на каждом шагу творить зло? Вот и сейчас ты ни за что, ни про что убил человека. Зачем же тебе идти за священными книгами? Возвращайся лучше обратно!

— Куда же вы меня посылаете, учитель? — спросил Сунь У-кун.

— Отныне я не желаю считать тебя своим учеником, — отвечал Сюань-цзан.

— Боюсь, что без меня вы никогда не доберетесь до Индии, — произнес Сунь У-кун.

— Моя судьба в руках неба, — смиренно отвечал Сюань-цзан. — Если мне суждено, чтобы какой-нибудь дух сварил и съел меня, — значит так и будет. Разве сможешь ты предотвратить мою смерть? Еще раз говорю тебе — иди обратно!

— Вернуться, конечно, можно, ничего хитрого в этом нет, — сказал Сунь У-кун. — Беда лишь в том, что я не успел отблагодарить вас за оказанную мне милость.

— О какой милости ты говоришь? — спросил Сюань-цзан.

Тогда Великий Мудрец встал перед Сюань-цзаном на колени и, отбивая поклоны, промолвил:

— За то, что я учинил дебош в небесных чертогах, меня подвергли тягчайшему наказанию: наш святейший Будда заточил меня под гору Усиншань. Но, к счастью, бодисатва Гуань-инь постригла меня в монахи, и благодаря вам, учитель, я был освобожден из заточения. И теперь, если я не буду следовать с вами до Индии, значит, я «поступил неблагодарно и не отплатил за оказанную мне милость» и меня, неблагодарного, будут поносить во веки веков.

У Танского монаха было доброе сердце. Видя искреннюю печаль Сунь У-куна, он изменил свое решение и сказал:

— Ну, если все это правда, то на сей раз я помилую тебя. Смотри только, больше не безобразничай. Иначе я буду читать заклинание не менее двадцати раз!

— Как вам будет угодно, — согласился Сунь У-кун. — Вы можете читать хоть тридцать раз, но людей я убивать не буду.

После этого Сунь У-кун помог монаху сесть на коня и поднес ему персики. Сюань-цзан съел несколько штук и немного утолил голод.

Однако вернемся к оборотню, которому удалось спасти свою жизнь и взлететь на небо. Вы уже знаете о том, что Сунь У-кун не убил волшебника, так как душа его успела покинуть телесную оболочку. И теперь, сидя на облаке, волшебник от злости скрежетал зубами.

— Вот уже несколько лет я слышу о необычайной силе Сунь У-куна, — кипя ненавистью, размышлял он, — и сегодня убедился, что не зря о нем такая слава идет. Танский монах не опознал во мне оборотня и совсем было собрался отведать моего угощения. Стоило ему только понюхать мое зелье, и он был бы у меня в руках. Так надо же было явиться этому Сунь У-куну и испортить все дело. Но мало этого. Он чуть было не прикончил меня. Выходит, я зря трудился. Нет, не могу я так просто отпустить этого монаха. Спустишь-ка я еще раз вниз и сыграю с ними еще одну штуку.

О, чудесный волшебник! Он опустился на склон горы, встряхнулся всем телом и мигом превратился в дряхлую старуху с палкой в руках, которая, плача, медленно пошла вперед.

— Учитель, беда, — испуганно вскрикнул Чжу Ба-цзе. — Эта старушка, несомненно, кого-то ищет.

— Кого же это она может искать? — спросил Сюань-цзан.

— Женщина, которую убил наш брат, конечно, приходится ей дочерью. Вот она и ищет ее, — сказал Чжу Ба-цзе.

— Не болтай глупостей! — крикнул на него Сунь У-кун. — Той женщине было не больше восемнадцати лет, а старухе, пожалуй, все восемьдесят. Что же, по-твоему, она родила, когда ей было уже за шестьдесят? Нет, тут что-то нечисто. Погодите, я выясню, в чем дело.

И, зашагав вперед, Сунь У-кун подошел прямо к старухе:

На грудь старухи мнимой опускались,

Как две сосульки, две седые пряди;

Она едва плелась, трясясь, хромая,

С опаской боязливой в мутном взгляде.

Как чайный лист сухой — лицо в морщинах,

Беспомощное, все иссохло тело,

Вперед далеко выдвинулись скулы,

И нижняя губа ее висела.

Как с молодостью старости равняться!

Уж складки кожи на кошель похожи,

Который бережливою рукою,

Как лотоса листок, умело сложен.

Сунь У-кун тотчас же понял, что перед ним дух, и без дальнейших рассуждений взмахнул своим посохом. Однако дух, как и в первый раз, встряхнулся, душа его покинула телесную оболочку, а на дороге осталась лежать убитая старуха. Увидев это, Сюань-цзан сошел с коня и, распростершись у дороги, стал читать заклинание о сжати обруча. Читал он его не мало, не много двадцать раз.

Посмотрели бы вы, что творилось с бедной головой Сунь У-куна! Она стала похожа на тыкву-горлянку. А он сам от нестерпимой боли катался по земле.

— Учитель, пощадите! — не выдержав, взмолился он. — Если вы хотите что-нибудь сказать мне, говорите, пожалуйста!

— Что-нибудь сказать, — повторил Сюань-цзан. — Когда монах следует добрым советам, он не попадает в ад. Ведь я как будто убедил тебя, почему же ты снова сотворил зло? Как можно убивать одного за другим ни в чем не повинных людей?

— Да ведь это волшебник, — сказал Сунь У-кун.

— Все это ерунда, — возмутился Сюань-цзан. — Что-то много волшебников у тебя развелось. Ты просто не стремишься к добру, и на уме у тебя одно зло. Сейчас же убирайся!

— Что же, — отвечал Сунь У-кун, — раз вы гоните меня, я могу уйти. Одно только меня беспокоит.

— Что же именно? — спросил Сюань-цзан.

— Учитель, — вмешался в разговор Чжу Ба-цзе, — он хочет поделить с вами вещи. Неудобно ведь возвращаться с пустыми руками после того, как он столько лет сопровождал вас. Дайте ему из своего узла что-нибудь старое — рубашку или шапку. От негодованья Сунь У-кун даже подскочил.

— Я тебя, скотина! — заорал он. — С тех пор как я стал монахом, мне чужды и зависть и корыстолюбие. Как же ты смеешь говорить о каких-то вещах!

— Почему же в таком случае ты не уходишь? — спросил Сюань-цзан.

— Что же, не стану обманывать вас, учитель, — сказал Сунь У-кун. — Пятьсот лет назад, когда я жил в пещере Водного занавеса, на горе Цветов и плодов и был в зените славы, я победил духов — повелителей семидесяти двух пещер, и мне подчинялись сорок семь тысяч духов. В те времена я носил корону из червонного золота, желтый кафтан с синим поясом и туфли для хождения по облакам. В руках у меня был посох желаний с золотыми обручами. В общем, я был, как говорится, настоящим человеком. Но когда я понял, что от преступления можно спастись через нирвану, дал монашеский обет и сделался вашим учеником, на голове моей очутился этот обруч. Возвращаться с ним в свои владения мне неудобно. И если вы, учитель, не хотите, чтобы я сопровождал вас, прочитайте, пожалуйста, заклинание об освобождении меня от этого обруча и наденьте его на кого-нибудь другого. Тогда я смогу спокойно возвратиться к себе домой, ведь часть пути я все же сопровождал вас. Так неужели в вас нет хоть капли жалости ко мне?

— Сунь У-кун, — сказал изумленный Танский монах. — Я знаю только заклинание о сжатию обруча, ни о каком другом заклинании мне бодисатва не говорила.

— Тогда, — сказал Сунь У-кун, — вам придется идти со мной и дальше.

Сюань-цзан вынужден был согласиться.

— Ну, ладно, вставай. Еще раз прощаю тебя. Но смотри, чтобы впредь этого больше не было!

— Можете не сомневаться! — заверил Сунь У-кун. И он снова помог Сюань-цзану сесть на коня, а сам пошел впереди.

Но вернемся к оборотню. Итак, второй удар Сунь У-куна не причинил ему никакого вреда. Находясь в воздухе, этот оборотень восхищался провидением Сунь У-куна.

«Чудесный Царь обезьян! — думал он. — У него действительно дар провидца. В любом превращении он сразу же распознает меня. А монахи идут довольно быстро. Если они перейдут эту гору и уйдут на сорок ли к западу, то выйдут из моих владений. А вдруг их там поймут другие духи? После этого меня просто засмеют, и я потеряю всякое уважение. Попробую-ка еще разок подшутить над ними».

О, чудесный волшебник! Остановив на вершине северный ветер, он на склоне горы встряхнулся и превратился в почтенного старца:

Как у Пэн-цзу, глава его седа,

У духов звезд такая ж борода,

Вложил он в уши, как глухой, — нефрит, —

Пусть это било легкое звенит!

Сверкал, как звезды, взор его живой,

А посох был с драконьей головой.

Был на халате журавлиный пух...

Так шел старик, псалмы читая вслух.

Увидев старца, Танский монах пришел в восторг. — Амитофо!— воскликнул он. — Да эта Западная страна — поистине благодатный край. Старик, который едва воло- чит ноги, и тот считает своим долгом выполнять закон Будды и читает псалмы.

— Погодите, учитель, — заметил тут Чжу Ба-цзе. — Как бы этот старик не стал источником новой беды.

— Это почему же? — удивился Танский монах.

— Наш брат убил его дочь и жену и теперь он, конечно, пошел искать их. Если нас впутают в это дело, учитель, то придется вам поплатиться собственной жизнью. Ну, а меня как соучастника сошлют куда-нибудь в отдаленные места на военную службу. Ша-сэна обвинят в подстрекательстве и отправят на принудительные работы. Зато наш брат, Сунь У-кун, прибегнет к волшебству, станет невидимым и скроется. Ему не придется переживать бедствий, какие выпадут на нашу долю.

— Какой же ты дурень, — сказал, выслушав его, Сунь У-кун. — Ведь своей глупой болтовней ты можешь напугать учителя. Сейчас пойду узнаю, что это за старец.

Спрятав под одеждой посох, он пошел навстречу старцу.

— Почтенный господин, — обратился он к нему, — куда путь держите? И почему это вы на ходу псалмы читаете?

На сей раз волшебник просчитался, решив, что Сунь У-кун ведет себя как обыкновенный человек и, не задумываясь, ответил:

— Почтенный отец! Всю свою жизнь я провел в этих местах, занимался благотворительными делами и любил читать буддийские священные книги. Судьба не послала мне сына, была у меня единственная дочь. Я взял к себе в дом зятя. И вот сегодня дочь отправилась на поле относить мужу обед и не вернулась. Очевидно, попала в пасть тигру. Жена пошла искать ее и тоже не вернулась. И вот сейчас я сам отправился на поиски. Если они действительно погибли, соберу их останки и похороню на семейном кладбище.

— Ну, вот что, — рассмеялся Сунь У-кун. — Ты, выдающий себя за моего предка. Жизнь тебе

надоела, что вздумал надувать меня? Нет, провести меня не удастся. Я отлично знаю, кто ты.

Волшебник был так поражен, что не мог даже слова вымолвить. А Сунь У-кун, между тем, схватил свой посох, но тут же остановился.

«Если я не убью его, он наверняка причинит нам неприятности. А если убью, учитель снова начнет читать заклинание. Но ведь он может воспользоваться случаем и схватить учителя, а тогда хлопот не оберешься... Нет, правильнее все-таки убить его, — решил, наконец, Сунь У-кун. — Ну, пусть учитель читает заклинание. Но ведь не зря говорит пословица: «Тигр не ест своих детенышей». Уж как-нибудь я постараюсь уговорить его. Может быть, и обойдется».

Тут Великий Мудрец произнес заклинание, и перед ним предстали местные духи — хранители земли и гор.

— Этот волшебник, — сказал он им, — третий раз обманывает нашего учителя. Но сейчас я хочу наконец разделаться с ним. Вы поднимитесь в воздух и будьте свидетелями. Уходить никому не разрешаю.

Ни один из духов не посмел нарушить приказа. Все они поднялись на облако и стали наблюдать за тем, что происходит на земле.

А Великий Мудрец в это время взмахнул своим посохом и ударил волшебника. Тот сразу же испустил дух. Сидевший на коне Сюань-цзан задрожал от ужаса и не мог вымолвить ни слова, в то время как Чжу Ба-цзе только расхохотался.

— Ну и молодец Сунь У-кун! — крикнул он. — До чего разошелся! Не прошло еще и полдня, как он успел убить трех человек!

Танский монах хотел было произнести заклинание, но Сунь У-кун подбежал к нему и крикнул:

— Учитель! Погодите! Вы лучше взгляните, что осталось от этого волшебника.

Сюань-цзан посмотрел и увидел грудку истлевших белых костей.

— Сунь У-кун! — с изумлением воскликнул он. — Ведь ты его только что убил, как же мог он так быстро превратиться в грудку костей?

— Это была душа, скрывшаяся в труп, оборотень, который заманивал людей и причинял им зло, но сейчас он потерпел поражение. И вот, когда я убил его, он предстал в своем настоящем виде. На хребте у него написано: «Женщина — скелет».

Выслушав это, Сюань-цзан наконец поверил Сунь У-куну. Но тут опять вмешался Чжу Ба-цзе:

— Учитель, — не отставал он. — Рука у Сунь У-куна тяжелая, а посох такой, что и подумать о нем страшно. Сунь У-кун убил человека, но, опасаясь, как бы вы не стали произносить заклинание, тут же превратил его в грудку костей, чтобы ввести вас в заблуждение.

Будучи от природы человеком доверчивым, Танский монах послушался Чжу Ба-цзе и стал читать заклинание. Обезумев от боли, Сунь У-кун опустился на колени и взмолился:

— Остановитесь! Остановитесь! Если вы хотите что-нибудь сказать мне, так прошу вас, говорите скорее!

— Обезьяна ты! Какие тут еще могут быть разговоры!

Тот, кто отрекся от мира и совершает добрые дела, подобен весенней траве. Ты не замечаешь, как с каждым днем она становится все выше и выше. Тот же, кто творит зло, подобен точильному камню. Ты не замечаешь, как с каждым днем он становится все меньше. Ты убил подряд трех человек. Но в этом глухом и пустынном месте свидетелей нет и некому донести на тебя. Ну, а что будет, когда мы попадем в город, где много народу? Ведь если ты и там начнешь действовать своим злосчастливым посохом и без разбору избивать людей, то натворишь таких бед, что трудно будет рассчитывать на спасение. Короче говоря, сейчас же убирайся!

— Вы напрасно сердитесь на меня, учитель, — выслушав его, сказал Сунь У-кун. — Неужели вы не понимаете, что этот старец был злым духом? Ведь он намеревался причинить вам зло. Убив его, я вас же избавил от беды. А вы не хотите этого понять, прислушиваетесь к словам Дурня и каждый раз прогоняете меня. Пословица гласит: «Теперь можно до трех раз». И если бы я сейчас не ушел от вас, то был бы самым презренным и ничтожным монахом. Я уйду! Но помните, что без меня вам будет трудно.

— Ну что за Низкая обезьяна! — возмутился Сюань-цзан. — С каждым днем она становится наглее! Что ж, по-твоему, только ты человек, а У-нэн и У-цзин не люди?

Эти слова привели Сунь У-куна в полное отчаяние.

— О небо! — воскликнул он. — Вспомните то время, когда вы отправились в путь из Чанъани и сопровождал вас только Лю Бо-цин — охотник. Ведь после того как вы достигли горы Усиншань, освободили меня и я поклонился вам, как своему учителю, я проникал в древние пещеры, входил в дремучие леса, вылавливал злых духов и оборотней, умирал Чжу Ба-цзе, поймал Ша-сэна и каких только мук и трудностей не перетерпел за это время! А вы потеряли прозорливость, ничего не хотите понимать и только знаете, что прогонять меня. Недаром говорит пословица: «Когда нет птиц — лук прячут, когда заяц умирает — варят собаку». Ладно! Пусть будет повашему! Но как быть с заклинанием о сжати облуча?

— Я больше не буду его произносить, — отвечал Сюань-цзан.

— Ну, этому трудно поверить, — усомнился Сунь У-кун. — Когда вы попадете в безвыходное

положение, из которого вас не смогут выручить ни Чжу Ба-цзе, ни Ша-сэн, вы, конечно, вспомните обо мне и снова прибегнете к заклинанию. И где бы я ни находился в этот момент, пусть за сотни тысяч ли, оно все равно окажет свое действие, и я снова вернусь к вам. Так не лучше ли сейчас отказаться от вашего намерения?

Но чем больше говорил Сунь У-кун, тем сильнее сердился Танский монах. Он слез с коня и велел Ша-сэну достать из узла бумагу и кисть. Затем, зачерпнув в ручье воды, растер на камне тушь и написал Сунь У-куну бумагу об отставке.

— Вот возьми этот документ, обезьяна, — сказал он. — Отныне я не желаю считать тебя своим учеником! Лучше мне провалиться в преисподнюю, где подвергаются самым жестоким пыткам, нежели увидеть тебя снова.

— Учитель, не нужно давать клятвы, — сказал Сунь У-кун, поспешно взяв бумагу. — Я и так ухожу.

Затем он сложил бумагу, спрятал ее в рукав и кротко обратился к Сюань-цзану:

— Учитель, мы прошли с вами немалый путь. Кроме того, я получил от бодисатвы наставления. Жаль, что все дело рухнуло и я не смогу выполнить данного мне поручения. А теперь прошу вас сесть, учитель, и принять мои поклоны. Тогда я с легким сердцем покину вас.

Однако Танский монах отвернулся от него и тихо проговорил:

— Я честный монах и не хочу принимать почести от таких злодеев, как ты!

Тогда Великий Мудрец выдернул из головы три волоска, подул на них волшебным дыханием и крикнул:

— Изменитесь!

В тот же миг появилось еще три Сунь У-куна. Они окружили Сюань-цзана, склонились перед ним и ему волей-неволей пришлось принять поклоны.

После этого Великий Мудрец выпрямился, встряхнулся, водворил волосы на место и обратился к Ша-сэну.

— Уважаемый брат, — сказал он. — Ты человек хороший, но смотри, остерегайся наветов Чжу Ба-цзе. В пути ведите себя очень осторожно. Если случится беда и какой-нибудь злой дух захватит нашего учителя, то ты скажи, что его главным учеником является Сунь У-кун, а западные волшебники слышали о моей силе и не осмелятся причинить зло нашему учителю.

— Я — честный монах! — сказал тут Сюань-цзан. — И не хочу, чтобы при мне упоминали твое злодейское имя. Можешь уходить от нас.

Окончательно убедившись в том, что Сюань-цзан не изменит своего решения, Великий Мудрец понял, что надо уходить.

Перед учителем в слезах

Он положил поклон,

Беречь учителя в пути

Ша-сэна просит он.

И на лужайке истоптал

В отчаянье траву,

На землю глядя, средь лиан,

Он преклонил голову.

Был у него особый дар:

Взмываться колесом,

На землю опускаться вновь

Стремительным броском;

Свободно, как никто другой,

Моря пересекал

И не страшился на пути

Он высочайших скал.

Исчез он сразу... не успеть,

Казалось, и мигнуть,

Как воротился Сунь У-кун

Опять на старый путь.

С трудом преодолевая боль разлуки со своим учителем, Великий Мудрец совершил стремительный прыжок и полетел к пещере Водного занавеса на горе Цветов и плодов. Одинокое сидя на облаке, он тяжело переживал свалившуюся на него беду. Вдруг до него донесся шум воды. Взглянув вниз, Великий Мудрец увидел, что под ним бушуют воды Великого Восточного моря. Тут он снова вспомнил о Танском монахе, и по лицу у него неудержимо потекли слезы. Остановив свое облако, он долго оставался на месте и, наконец, полетел

дальше.

Чем же закончилось его путешествие, вам расскажет следующая глава.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/286446>